

Участников и очевидцев осталось совсем мало. А мифы живучи. Особенно рукотворные. И один из самых гнусных — «евреи шли, как скот, на убой», никакого еврейского Сопротивления не было.

Поэтому так важны свидетельства. О восстании в Собиборе, в Варшавском гетто, о десятках тысяч евреев в партизанских отрядах.

Перед вами — воспоминания Сергея Самуиловича Беркнера.

Филолог, профессор Воронежского государственного педагогического университета, доктор наук. Всего этого с белостокским юношей Шмерлом Беркнером не должно было случиться. Он должен был разделить судьбу 50 000 обитателей здешнего гетто — стариков и детей. Разделить судьбу миллионов евреев Европы.

Но Беркнер, как и сотни его сверстников, взял свою судьбу в собственные руки. Несмотря на безумство любой затеи сопротивления, необученные, безоружные — они бросили вызов машине вермахта и СС.

Сопротивление в Белостокском гетто началось ещё в ноябре 1941-го, а завершилось восстанием в августе 1943 года, вторым по масштабу после Варшавского.

В своих мемуарах Беркнер обходится без фанфар — будничное описание ежедневной жизни и борьбы в гетто и в партизанских отрядах. Когда приходилось бояться

не только чужих, но и своих — польских и советских партизан. Всякое было, и всё должно быть рассказано.

Избегает автор и идеологической пристрастности, оказавшей дурную услугу историографии Сопротивления в гетто, и не только в Белостокском. Участники Сопротивления — сионисты и бундовцы, коммунисты и беспартийные — все они для него соратники и братья по оружию.

Мы уверены, что библейская заповедь «Помни, не забудь!» распространяется и на события, описанные в этой книге. Мемуары С. С. Беркнера несомненно представляют огромный интерес как для историков, так и для широкой читательской аудитории.

Борух Горин

Памяти борцов с фашизмом

ВСТУПЛЕНИЕ

Судьба так распорядилась, что мне довелось стать участником и свидетелем весьма сложных и драматических событий во время войны, которая сама по себе была тягчайшим испытанием для всех. О том, чтобы написать о пережитом, я начал думать давно. Несколько раз брался за это — в 1946 году, по свежим следам, и в 1973-м*. Однако по разным причинам материалы эти света не увидели. А время идет, и осталось его не так уж много...

Поэтому дальше откладывать нельзя. Наступил последний срок отдать долг памяти павшим товарищам по оружию и просто безвинным жертвам фашизма. Итак, эти записки — эпитафия моим друзьям, погибшим в партизанском лесу и на баррикадах в гетто, родным и землякам, расстрелянным на краю бесчисленных рвов, удушенным в газовых ка-

* В начале 1946 г. я написал в соавторстве с Самуилом Ништом, одним из старейших участников подпольно-партизанского движения в Белостокском гетто и в окрестных лесах, первый очерк о движении Сопротивления в гетто и о деятельности еврейского партизанского отряда «Форойс». Этот материал мы послали в Москву, в Еврейский антифашистский комитет (ЕАК). В 1948 г. сталинский режим убил председателя ЕАК, гениального актера и крупного общественного деятеля Соломона Михоэлса. Некоторое время спустя было сфабриковано «дело ЕАК» и арестованы, а затем расстреляны члены Комитета, уничтожены документы. Среди них пропал и наш очерк. В 1973 г. по просьбе белорусского историка движения Сопротивления Владимира Павловича Верхося я написал более полный очерк об этих событиях. Верхось одобрил мою работу и посоветовал мне написать об этом книгу. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. авт.*

мерах. Описанные здесь факты о движении Сопротивления в гетто Белостока — города, входившего с 1939 по 1941 годы в СССР, — о партизанском отряде «Форойс» («Вперед»), созданном антифашистской организацией Белостокского гетто, в отечественной литературе почти не отражены.

Несколько слов о жанре этих записок и их источниках. Подавляющее большинство материала (около 90%) основано на моих воспоминаниях. Однако некоторые события, в которых я лично не участвовал, я излагаю на основании устных и письменных сообщений моих товарищей по подпольно-партизанской борьбе.

Исключить эти события, прежде всего восстание в Белостокском гетто в августе 1943 года, не считаю возможным, так как оно органически связано с движением Сопротивления в Белостоке — центральной темой моего рассказа. Часть известной мне информации по данному и другим вопросам я получил еще во время войны — в результате бесед с Марылей Ружицкой, Лизой Чапник, Юлеком Якубовичем, Мареком Бухом, Иосифом Каве, Шимоном Датнером, Голдой Каменежкой, Самуилом Ништом, Павлом Кожецем и другими подпольщиками и партизанами.

Дополнительные сведения поступили уже в послевоенное время. Подробный письменный рассказ о своем участии в восстании в Белостокском гетто и побеге из эшелона смерти прислал мне Юлий Якубович.

Некоторые ответы на мои вопросы я также получил от одного из первых подпольщиков и партизан Белостокского гетто Павла Кожеца. В процессе работы над этими записками я прочитал (или перечитал) доступные мне публикации о Белостокском гетто, движении Сопротивления в нем и в белостокском крае.

Критически осмыслив эти материалы (в ряде случаев я нашел в них неточности, прокомментированные мной в примечаниях), я посчитал возможным использовать некоторые

сведения, в частности из последней главы книги Бернарда Бера Марка «Движение Сопротивления в Белостокском гетто». В главе о восстании я привел также ряд выдержек из книги Хайки Гроссман «Подпольная армия. Борцы Белостокского гетто»*.

Думается, что предложенные читателю записки, затрагивающие тему, к которой много лет по известным причинам редко обращались, имеют и определенный общественный интерес. Представляется, что они особенно актуальны сейчас, когда в некоторых изданиях и публичных выступлениях выдвигаются необоснованные обвинения против целого народа, разжигающие национальную вражду. В поисках «козлов отпущения» вновь возбуждается ненависть против «иноверцев». Между тем дружба и солидарность русских и евреев, белорусов и литовцев, армян и азербайджанцев

* Жизнь в Белостокском гетто, движение Сопротивления в нем рассматриваются в ряде книг и статей, опубликованных за рубежом. Их авторы — иногда участники событий, реже историки или публицисты, например Бернард Марк. В двух случаях авторы — одновременно участники событий и историки (Шимон Датнер и Павел Кожец). Приведу наиболее важные работы: *Марк Б.* Движение Сопротивления в Белостокском гетто. Варшава, 1952 (на польском языке); *Гроссман Х.* Подпольная армия: Борцы Белостокского гетто. Нью-Йорк, 1988 (на английском языке); *Датнер Ш.* Наброски к истории еврейского партизанского движения в районе Белостока (1941–1944) // Труды Института истории евреев. Варшава, 1970. Вып. № 73 (на польском языке); *Кожец П.* Фрагменты воспоминаний // Белостокские евреи (Научный сборник). Белосток, 1993. Т. I (на польском языке); *Винницкая-Клибанская Б.* Подготовка вооруженного отпора в Белостокском гетто // Подляские исследования. Т. Н. Белосток, 1989 (на польском языке); *Райзнер Р.* Гибель белостокских евреев. Мельбурн, 1948 (на идише); *Цитрон Т.* История вооруженного восстания в Белостокском гетто. Тель-Авив, 1996 (на польском языке).

Самые обширные повествования принадлежат Бернарду Марку и Хайке Гроссман. Различие между ними состоит прежде всего в жанре и стиле. Книга Б. Марка носит документальный характер. Она основана в значительной степени на свидетельских показаниях участников событий, а также на ряде архивных источников. В ней собран весьма ценный материал, однако ей присущи два недостатка: во-первых, отдельные свидетельские показания несколько субъективны

и многих других народов явились залогом победы во время войны, и без них не смогут победить политические и экономические реформы в России.

Считаю своим приятным долгом выразить свою благодарность всем моим товарищам, поделившимся со мной своими воспоминаниями и наблюдениями, моим коллегам — филологам, профессорам Льву Кройчику и Владиславу Свительскому, прочитавшим мою рукопись и сделавшим ряд ценных замечаний, а также Валерии Московской, внесшей некоторые стилистико-пунктуационные исправления.

2001 год

и в них допущены неточности; во-вторых, книга написана в сталинский период и отражает культ вождя. Определенные идеологические перегибы заметны в чрезмерном подчеркивании роли коммунистов в организации Сопrotивления и в затушевывании участия в нем социал-демократов, сионистов и беспартийных.

Книга Гроссман носит яркий публицистический характер и написана весьма эмоционально. Автор принимала личное участие во многих описываемых событиях, лично знала многих участников Сопrotивления, особенно выходцев из левосионистской организации «а-Шомер а-цаир», хорошо знала некоторых руководителей штаба восстания. Вместе с тем ряд сведений и оценок, приведенных автором, также имеет несколько субъективную окраску и страдает, в отличие от Марка, другими политическими пристрастиями — преувеличивается роль подпольщиков, придерживавшихся сионистской ориентации. Тем не менее каждая публикация вносит свой вклад в раскрытие различных аспектов этого трагического периода, столь богатого подлинной героикой Сопrotивления.

1. Город юности

Белосток, город, в котором я родился и жил первые двадцать лет, лежит на половине пути между Вильнюсом и Варшавой. На центральной площади Костюшко находилась ратуша, вокруг которой ютились многочисленные магазинчики. Там шла бойкая торговля различными недорогими товарами, преимущественно одеждой, обувью, тканями, скобяными изделиями. От площади Костюшко лучами расходились три центральные улицы — Сенкевича, Липовая и Килинского. На последней был расположен краснокирпичный, высокобашенный и готически заостренный костел Святой Марии.

Улица Килинского спускалась вниз к речке Бялке, перерезающей город. Сточные воды из многочисленных текстильных фабрик сильно загрязняли ее, и бурый, местами черный цвет воды резко контрастировал с ее названием (Бялка — Белая).

Ниже по улице Килинского находился красивейший архитектурный памятник шляхетской Польши XVII–XVIII веков — дворец графов Браницких, построенный в стиле барокко и окруженный прекрасным парком. Дворец Браницких служил резиденцией воеводы. В конце улицы Липовой, на ее пересечении с улицей Домбровского, высился еще один костел — белокаменный, в модернистском стиле, — костел Святого Роха. Оба костела, сами по себе вы-

сокие, величественно стояли на холмах и господствовали над городом.

В довоенном Белостоке жило около ста тысяч человек. В подавляющем большинстве это были поляки и евреи. Еврейская беднота селилась в районе под названием Ханайки, в стороне от центра. Название это стало синонимом нищеты и недостаточной грамотности. Более обеспеченные евреи в основном жили в центральной, довольно тесно застроенной части города. Поляки, особенно из зажиточных слоев, селились в более тихих, уединенных, хорошо озелененных кварталах. У многих из них были свои домики с усадьбами.

Белосток окружало более ста небольших городов и местечек со смешанным польско-еврейским населением. В 5–7 километрах от Белостока находились излюбленные горожанами дачные места, расположенные на речках, среди леса (Игнатки, Супрасль и др.).

Белосток, как многие другие города, имеет своих знаменитых уроженцев. Среди них бывший нарком иностранных дел СССР Максим Литвинов (настоящее имя Макс Валлах), создатель международного языка эсперанто доктор Людвиг Лазарь Заменгоф и видный филолог профессор Лео Винер, отец Норберта Винера, основателя кибернетики.

У города моей юности сложная историческая судьба. Легенда гласит, что своим возникновением Белосток обязан литовскому князю Гедимину, охотившемуся в этих местах. Дальнейшее развитие Белостока, сначала как деревни, а затем небольшого города, связано с именами крупных польских магнатов — Радзивиллов, Чарнецких, Браницких и других владельцев белостокских земель.

После Тильзитского мира (1807) и до Первой мировой войны Белосток находился в составе Российской империи. Начиная с тридцатых годов XIX века в Белостоке быстро развивалась текстильная промышленность, что послужило причиной появления явно преувеличенного, созданно-

го, вероятно, журналистами названия города «Северный Манчестер».

В 1905 году в Белостоке произошли революционные выступления местных рабочих, интеллигенции и учащихся. Десятки людей были убиты полицией, казаками. В 1906 году в городе был учинен погром, многие евреи погибли.

В 1915 году город оккупировали войска кайзеровской Германии. После Октябрьской революции и советско-польской войны 1920 года Белосток отошел к Польше. В начале сентября 1939-го его захватили гитлеровцы, а во второй половине этого месяца в Белосток вступили части Красной армии. Советская власть здесь просуществовала почти два года.

27 июня 1941 года, на шестой день войны, в город вторглись фашисты и наступила трехлетняя кровавая ночь оккупации. Административно Белосток был присоединен к Третьему рейху и номинально управлялся из Берлина, но главным образом из недалекого Кенигсберга (теперешнего Калининграда). В конце июля 1944 года город освобожден Красной армией, а через несколько недель — в соответствии с советско-польским договором — передан Польской республике.

Этот калейдоскоп событий, многократная смена власти и окончательное включение города в состав Польши, по-видимому, ослабили интерес советских историков к движению Сопротивления в Белостоке и округе в годы оккупации. К этому, вероятно, присоединились и некоторые другие политические мотивы, в том числе и длительный запрет на обсуждение вопросов, касавшихся судьбы еврейского населения на оккупированных территориях, в частности жизни в гетто и возникновения в нем Сопротивления.

В двадцатых-тридцатых годах XX столетия Белосток лежал на пересечении национальных культур, в первую очередь польской и еврейской. Обе общины были приблизительно равны по численности и составляли абсолютное

большинство населения стотысячного города (в 1939 году в Белостоке жило 52 тысячи евреев). Из других национальностей в Белостоке проживало незначительное число русских, белорусов и немцев. Сельское население вокруг Белостока в основном состояло из белорусов и поляков.

Белосток первой половины XX века — один из центров текстильной промышленности. На ткацких фабриках трудились тысячи еврейских и польских рабочих. Среди евреев было также много ремесленников — портных, сапожников, столяров, жестянщиков и т. д. Немало было владельцев небольших лавочек. Другую социальную прослойку составляли служащие, учителя, врачи, инженеры, адвокаты. Вершину этой пирамиды занимали крупные фабриканты.

Политический спектр еврейского населения включал три основные части: еврейскую социал-демократию (Бунд) [Всеобщий еврейский рабочий союз. — *Ред.*], несколько организаций сионистского направления и находившихся на нелегальном положении коммунистов.

Однажды в середине мая 1923 года мужчина и женщина с новорожденным младенцем спешили к врачу — мальчик почти не подавал признаков жизни. Когда сильно встревоженные молодые родители проходили мимо краснокирпичного костела Святой Марии, младенец вдруг ожил и чихнул. Впоследствии отец, убежденный атеист, шутил со мной: «А ты рано обнаружил негативное отношение к “опиуму народа”...»

Отец, Беркнер Самуил Самарьевич, 1889 года рождения, старший сын в многодетной семье скромного достатка, в то время заведовал интернатом для инвалидов и престарелых. Это весьма печальное заведение находилось в не менее печальном месте — рядом с еврейским кладбищем, на улице Минской, 1. Родители и старший брат Павел (Пиня, Пинхас) позже нередко вспоминали, что начало моего детства

протекало на этом кладбище. Там со мной гуляли, и там, по-видимому, я начал ходить.

В моей зрительной памяти часто возникает образ отца. Невысокий мужчина, без лишнего веса, с покатыми плечами, но крепкого телосложения. Высокий лоб с залысинами, серые умные глаза. Спокойный, доброжелательный взгляд. Отец блестяще окончил гимназию в 1905 году. Еще гимназистом участвовал в революционных событиях в Белостоке. Казак на лошади погнался за ним и нанес ему удар шашкой плашмя. Последнее обстоятельство, вероятно, спасло ему жизнь.

Обладая незаурядными способностями и, как еврей, не имея возможности поступить в российский институт, он по окончании гимназии уехал в Бельгию, влачил там полуголодное существование, перебиваясь репетиторством. Но учился в Гентском университете на факультете мостостроения и заодно совершенствовал свое знание французского языка.

Весной 1914 года, накануне Первой мировой войны, когда международная обстановка накалилась до предела, царское правительство отозвало своих подданных из-за границы.

Отец вернулся в Белосток, не успев сдать выпускных экзаменов. Итак, университет окончен, но диплома он не получил. Вскоре его мобилизовали, и он ушел на фронт. Целый год воевал на передовой, был лучшим стрелком полка. Затем, в числе многих других русских солдат, попал в немецкий плен. До конца войны находился в лагере военнопленных, познал на практике «гуманизм» прусской военщины.

В 1917 году его избрали членом лагерного комитета военнопленных. Свободно владея французским языком, отец поддерживал связь русских военнопленных с французскими.

По освобождении из плена отец вернулся в Белосток и женился на моей будущей матери, Софье Павловне Кор-

нянской. За несколько лет до этого ее первый муж, отец моего брата Павла, скоропостижно скончался от чахотки. Мой отец фактически усыновил Павла, хотя тот сохранил фамилию своего покойного отца — Тыкоцинский.

Мои первые воспоминания, по-видимому, относятся к возрасту 3–4 лет, когда мы жили в доме 17 по улице Крашевского. Мы жили на первом этаже кирпичного трех- или четырехэтажного дома. Квартира была темная и сыроватая. Владельцем дома был весьма желчный и злой старик Вайсман. К Вайсману я относился недружелюбно и порою дразнил его. Он нередко гонялся за мной, а я иногда скрывался от него в туалете во дворе. Я закрывался на крючок, он пытался открыть дверь, и я дрожал от страха...

Недалеко от нашего дома была продовольственная лавка старого Лернера. Иногда там отпускал продукты его сын-инвалид. Ему прострелили ногу на границе при попытке уйти в СССР.

В целом квартал был скорее христианским: в нем было много частных домов, в которых жили поляки. Рядом с нашим домом находился дом, в котором жили мои польские товарищи по играм Хелецкие — два мальчика и девочка. Хелецкие хорошо относились ко мне, и я проводил у них немало времени. Помню, что доводилось бывать там и на новогодней елке, но в основном мы играли на довольно просторном закрытом участке их усадьбы. Однажды я сидел с Хелецкими на их воротах, а мимо шел незнакомый польский мальчик. Не знаю, как он узнал во мне еврея, но с криком «жид!» он бросил в меня кусок кирпича, попав мне в лоб. Потекла кровь, но было не столь больно, как обидно. Хелецкие отогнали хулигана, но обиду эту я еще долго помнил. Такие выходки случались нередко. У меня было много дворовых друзей — еврейских ребят. Мы с ними часто играли в футбол. Как правило, мячом служил большой клубок пряжи. Дружил я и с двумя девочками по фамилии Хазан. К младшей я был неравнодушен,

но однажды я из озорства напугал ее, и она перестала разговаривать со мной.

Несмотря на хорошее техническое образование, отец был вынужден работать не по специальности — мешало отсутствие диплома. Большую часть жизни он прослужил бухгалтером в поликлинике социального страхования «Каса хорых» («Больничная касса»). Наряду с этим отец активно занимался общественно-политической деятельностью, несколько лет был членом местной организации Бунда. Однако его возмущала коррумпированность некоторых членов руководства союза, и, написав разоблачительное письмо лидеру городской организации, он покинул ряды Бунда. В душе отец навсегда остался левым социал-демократом, убежденным сторонником единства социалистов и коммунистов.

Некоторым воплощением этих идеалов он посчитал создание независимого спортивного клуба «Штрал» («Луч») в противовес бундовскому клубу «Моргенштерн» («Утренняя звезда») и сионистскому клубу «Маккаби». В спортклубе «Штрал» отец собирал оппозиционно настроенную бундовскую молодежь, молодых спортсменов-коммунистов и внепартийных левых. Все свободное время отец отдавал развитию спорта среди рабочей молодежи и пользовался у нее любовью и уважением.

В летние выходные дни отец, мать и я, вместе с наиболее близкими отцу организаторами и активистами клуба, уходили в пешие походы в деревню Селяхувку, расположенную на реке Супраслянке. Ходьба занимала полтора-два часа, и прогулка в тенистом хвойном лесу, купание, шутки создавали настроение на всю неделю. Из помощников отца по клубу запомнился мне смуглый веселый Володя Познанский, инструктор по гимнастике Серлин, футболисты братья Бреннеры и вратарь по кличке Итальянец.

Мой сводный брат Павел был на одиннадцать лет старше меня. Он был худой, выше меня, с выразительными глазами и носом с горбинкой, с густой русой шевелюрой.

Павел был очень талантлив. Его широкая эрудиция в области литературы, истории политики, ораторское дарование способствовали его ярким выступлениям. Юношей он стал членом молодежной организации Бунда «Цукунфт» («Будущее»), но через некоторое время порвал с ней и во главе группы бывших цукунфтовцев перешел в подпольный комсомол.

В старших классах гимназии Павел влюбился в свою одноклассницу, комсомолку Иду Менаховскую, с которой дружил много лет.

В отличие от меня, не знавшего до 1939 года ни слова по-русски, Павел, как и родители, кончившие русские гимназии, хорошо знал русский язык, особенно любил Пушкина. У нас был большой, хорошо иллюстрированный однотомник Пушкина дореволюционного издания, и Павел знал наизусть множество пушкинских стихов. В старших классах Павел сам писал стихи, даже большие поэмы, которыми родители гордились.

По окончании гимназии Павел поступил на юридический факультет Варшавского университета. В Варшаву брат ездил изредка — на отдельные курсы лекций и на экзамены. Посещение лекций было свободным.

В середине тридцатых годов — мы уже жили на другой квартире, более светлой и сухой, на Ботанической, 8 — к нам домой нагрянули с обыском. Их было двое, полицейский в форме и агент дефензивы (польской тайной полиции) в штатском. Несколько часов искали, все перерыли, в основном в комнате и вещах Павла. Обстановка в доме была напряженная. Мать стояла заплаканная. Отец и брат держались с достоинством. Павел был даже несколько ироничен.

Я сидел за столом и, пряча волнение, рисовал (мне было лет 10–11). Агент подошел ко мне и взглянул на мои рисунки. Там были танки и самолеты. Он ухмыльнулся и сказал Павлу: «Что ж вы, Тыкоцинский, так плохо воспитываете брата? Он же у вас растет милитаристом...»

Не помню, этот ли агент или другой, как позже рассказывал Павел, увидел его однажды на улице с еще одним студентом. Поравнявшись с ними, агент насмешливо бросил: «Как это вы, Тыкоцинский, правоверный сталинист, общаетесь с презренным троцкистом?» Как видно, польская охранка неплохо разбиралась в тонкостях политических разногласий своих подопечных, а сотрудники дефензивы не были лишены чувства юмора.

После обыска Павел был арестован, и помню, как мама, бледная и опечаленная, собирала продуктовые передачи и относила их в тюрьму. Поскольку у полиции не оказалось вещественных улик, чтобы пришить Павлу настоящее дело, через несколько месяцев его отпустили.

В шесть лет родители отвели меня в подготовительный класс гимназии, где преподавание велось на идише, на котором последние восемь-девять веков говорили еврейские народные массы Восточной и Центральной Европы. Таких гимназий в Польше было мало, как будто только в Белостоке и в Вильно.

Гораздо больше было древнееврейских гимназий с преподаванием всех предметов на иврите. Туда отдавали своих детей ортодоксально настроенные, преимущественно верующие евреи. Кроме этого, существовали частные еврейские гимназии с преподаванием на польском языке. Их было четыре в Белостоке. Там учились дети ассимилированной интеллигенции, а также девочки и мальчики из богатых семейств. Эти гимназии давали хорошую общеобразовательную подготовку и содействовали полонизации евреев. Наряду с гимназиями существовали неполные средние школы как светского (на идише), так и религиозного (на иврите) направления. Одну из наиболее передовых школ на идише, под названием «Югнт-фарейн» («Союз молодежи»), в свое время кончил мой брат. Школой руководил Абрам Григорьевич Машевицкий, впоследствии депутат Верховного Совета БССР.

Моя гимназия находилась в районе улицы Фабричной — от этой улицы вел длинный переход через дворы. Позади гимназии начинался достаточно заброшенный район переулков и небольших улиц с ветхими постройками. Забегая вперед, отмечу, что именно этот район во время восстания в Белостокском гетто в августе 1943 года стал ареной ожесточенных боев с фашистами.

Я очень гордился своей гимназией. Она по праву считалась наиболее прогрессивным учебным заведением города — по составу как преподавателей, так и учащихся. Здесь учились дети рабочих и интеллигентов из левых кругов, преимущественно бундовцев и коммунистов. Иврит здесь формально также преподавался, однако большинство детей относилось к этому предмету негативно, считая его атрибутом религиозной культуры. Многие, в том числе и я, бойкотировали эти уроки, не посещали их и устраивали каверзы учителю, о чем я, сам проработав всю жизнь преподавателем, сейчас искренне сожалею.

Наиболее запомнившиеся учителя этой гимназии — Цвия Пат, моя первая учительница, впоследствии сыгравшая вместе со своими родными немаловажную роль в движении Сопротивления в гетто; вечно улыбочивый историк Гросфельд с неуклюжей походкой, рассеянный географ Лапчинский. У последнего была смешная внешность — животик, короткие ножки, говорил быстро и нечетко, проглатывая окончания, и поэтому прозвище его было Позёможа, от произнесенного скороговоркой по-польски географического термина *rozjom torza* — «уровень моря». Пожалуй, наибольшим авторитетом пользовался завуч Розенблат, преподававший естествознание.

Наиболее близкими моими школьными друзьями были Нюсик (Натан)* Рубин и Шмулик Табачинский. Они были разные. Нюсик учился ровно, но не блистал. Матери у него

* Автор в скобках указывает либо полное имя лица, о котором идет речь, либо светское имя, принятое евреем (кинуи), либо подпольное или партизанское прозвище. — *Примеч. ред.*

не было, он проживал с отцом. Тот работал старшим официантом в ресторане. По-видимому, работа и домашние обязанности занимали Рубина-старшего большую часть времени, и сыном он занимался урывками. Нюсик был хорошим товарищем, но о своей семье почти никогда не рассказывал и к себе не приглашал.

Совсем другим мальчиком был Шмулик Табачинский. Он рос в благополучной семье. Его отец Нема (Вениамин) Табачинский был видным деятелем еврейской культуры и народного образования, одним из самых блестящих ораторов-бундовцев. Он часто читал лекции и ездил в командировки*. Родители Шмулика обожали его, уделяли его воспитанию и образованию много внимания. Однако это не испортило моего друга. Он был скромным, добродушным и общительным. Я часто у них бывал. Со Шмуликом было интересно: он много знал, читал, великолепно успевая по всем предметам. Кроме того, у него всегда были интересные книжки с иллюстрациями и оригинальные игрушки.

По мере взросления у Нюсика Рубина и Шмулика Табачинского появилась одна общая физическая черта: оба стали очень высокими юношами, на голову выше меня.

Кроме перечисленных школьных друзей, у меня несколько позже появился еще один интересный и остроумный приятель — Абраша Гальтер. Вся их семья симпатизировала Советскому Союзу. Исключение не составлял даже младший братик Абраши (его имени я не помню). В дальнейшем младший Гальтер участвовал в восстании в Белостокском гетто — ему могло быть тогда лет четырнадцать. Он героически погиб, стреляя по гитлеровскому танку.

* Незадолго до нападения Германии на Польшу Вениамин Табачинский уехал на длительную командировку в США. Благодаря этому он избежал трагической участи своей семьи — жены и Шмулика. После войны Вениамин Табачинский стал видным деятелем еврейских социал-демократических кругов и профсоюзов Нью-Йорка.

Атмосфера, в которой я рос, — город, гимназия, семья, круг знакомых — была весьма политизированной. Когда в 1934 году в Вене вспыхнуло восстание революционно настроенных рабочих, одно из первых вооруженных выступлений против фашизма в Европе, я уже был членом «Скифа» (Социалистического детского союза) и отряд наш был назван именем одного из рабочих, героически погибших на венских баррикадах.

Сопереживая, мы следили за борьбой австрийских рабочих, позже — жадно ловили сообщения о боях республиканских дивизий и интербригад против армии Франко в Испании. Некоторые из друзей брата уехали туда воевать добровольцами (брату с его больными легкими это было не под силу).

В среде гимназистов и уже работавшей молодежи часто устраивались ожесточенные дискуссии между молодыми коммунистами, социал-демократами и сионистами. Среди последних были различные течения — от левых до крайне правых, «бейтаровцев». У всех легальных молодежных организаций была своя форма. Формой «Скифа» и «Цукунфта», то есть детской и молодежной организаций еврейской социал-демократии, были синяя блуза и красный галстук.

Особенно яркие впечатления оставили первомайские демонстрации. Заводы, учреждения и школы в этот день официально работали, но все передовые люди — рабочие, ремесленники, интеллигенты, учащиеся — выходили на улицы.

Помнится, сторож нашей гимназии Семен, который, как многие его собратья по профессии, докладывал обо всем в полицию, внимательно следил — кто из учителей отпускал учеников с уроков. В демонстрациях участвовали наиболее смелые люди. Риск был немаленький. Полиция и фашиствующие молодчики тоже готовились к Первомаю. Часто вспыхивали стычки, потасовки. Коммунистические или слишком радикальные лозунги и транспаранты поли-

ция изымала, в ход пускались дубинки. Нередкими были избиения и аресты. Приходилось видеть, как полицейские и агенты охраны с балконов и крыш домов улицы Килинского фотографировали участников демонстраций. Когда после войны я участвовал в первомайских демонстрациях в СССР, бросалось в глаза различие между добровольным риском и подвижничеством одних демонстраций и преимущественно казенным характером и заорганизованностью других.

Культурная автономия еврейского населения в Белостоке, как и в других городах довоенной Польши, выражалась не только в функционировании широкой сети школ на родном языке, но также и в наличии библиотек, газет и театров на языке идиш. В расположенном недалеко от Белостока Вильно работал Еврейский научный институт истории культуры*.

Надо признать, что довоенное польское правительство относилось достаточно терпимо к культурным учреждениям. Но вместе с тем палец о палец не ударило, чтобы остановить еврейские погромы (например, печально известный погром в Пшитыке) и бесчинства «эндеков» («Национально-демократическая партия») и других фашиствующих групп. Более того, нет сомнения, что правящая верхушка — «группа полковников» — потворствовала этим акциям.

Не первый и не последний раз в истории преследования евреев, как и некоторых других национальных меньшинств, подобная политика помогала правительству выпускать пар из кипящего котла социальной и экономической неудовлетворенности трудящихся. Впрочем, главенствующую роль в погромах играли молодчики из имущих классов и люмпен-пролетарии.

* YIVO, Исследовательский институт идиша, открылся в Вильнюсе (Вильно) в 1925 г. — *Примеч. ред.*

В начале 1937 года польские власти закрыли нашу гимназию — как «рассадник» коммунизма и «подрывных» идей. Несколько месяцев мы ждали возобновления занятий, но время шло, а гимназия оставалась закрытой. Тогда родители перевели меня в частную гимназию Гутмана, в которой преподавание велось на польском языке. Она находилась на улице Жwirки и Вигуры, далеко от дома, и отец попытался сначала устроить меня в гимназию Друскина, которая была значительно ближе. Но это была дорогая и элитарная гимназия и отцу дали от ворот поворот: его репутация активного прогрессивного деятеля не устраивала консервативно настроенную дирекцию буржуазно-респектабельной школы.

Я уже около года учился в гимназии Гутмана, когда все-таки открыли нашу ранее закрытую гимназию. Семейный совет обсудил обстановку и решил более благоразумным для меня продолжить учебу в гимназии Гутмана. Честно говоря, я был рад: у меня уже завелись в новой гимназии друзья. Я очень подружился с Яшей Шварцем. Кроме того, у меня началась моя первая юношеская любовь. Роза Сокол, на два года моложе меня, симпатичная брюнетка, надолго покорила мое сердце...

Тем временем брат закончил университет. Устроиться по специальности было практически невозможно. Для этого нужны были деньги, связи и политическая благонадежность. Полиция от времени до времени беспокоила его, следила за ним, и Павел решил переехать в Вильно. Там он стал аспирантом и сотрудником Еврейского научного института и женился на Басе Швайлих, обаятельной девушке-коммунистке, просидевшей до этого несколько лет в виленской тюрьме. Полиция арестовала ее (она тогда была студенткой Виленского университета), застав за печатанием подпольных листовок. Мы познакомились с Басей, полюбили ее, хотя и жалели, что брат расстался со своей первой подругой, Идой Менаховской.

В Белостоке и его окрестностях жили родственники моих родителей. Родная сестра матери Лиза вышла замуж за Абрама Калинского, коммивояжера фабрики одеял. Жили они весьма скромно на улице Ченстоховской (эта квартира сыграла в дальнейшем важную роль в нашей жизни). У них был один сын, мой двоюродный брат Лева. Он был года на два моложе меня и учился в гимназии с преподаванием на иврите.

Взгляды у нас не совпадали, но мы ладили. По заведенному обычаю, в субботу я обедал у тети Лизы. В этот день у нее был чолнт — традиционное еврейское блюдо, которое я очень любил. Это по-особенному тушенная картошка, приобретающая коричневый цвет. Кастриюлю с картошкой, заправленной жиром, мясом и специями, накануне относили в еврейскую пекарню и оставляли в печи. Утром приходили за ней.

В нашей семье подобные традиции не соблюдали. Отец считал, что большинство подобных обычаев — культовые ритуалы, которые он, атеист и социал-демократ, категорически отвергал. Но чолнт был так вкусен, что отец уступил просьбам матери и разрешил ей отнести кастрюлю в соседнюю пекарню. Первый раз — приняли. Однако в следующий раз вышла осечка. Маму с ее кастрюлей заметила верующая женщина, жившая поблизости. Она устроила скандал владельцу пекарни и потребовала, чтобы он не принял нашу кастрюлю, поскольку мы «вероотступники» и еда, конечно, у нас «трефная», то есть приготовленная без соблюдения религиозных правил. Обескураженный пекарь извинился и попросил маму уйти с кастрюлей и больше не приходить. Этот случай лишний раз показывает, как резко пролегла граница между «вольнодумцами» и ортодоксами.

Вторым пунктом субботней программы в семье тети Лизы был поход в кино: дядя Абрам брал Леву и меня, и мы отправлялись в кинотеатр (кажется, «Аполло») на улице Сенкевича, куда у дяди почему-то были контрамарки.

В основном мы смотрели американские вестерны, но попадались и хорошие фильмы. Колоссальное впечатление произвели на меня, как и на других зрителей, два советских фильма, разрешенные польскими властями: «Путевка в жизнь» и «Веселые ребята». Народу было столько, что нас буквально внесли в зал, а затем вынесли. Публика принимала фильмы с неподдельным энтузиазмом, зал неоднократно взрывался аплодисментами.

У мамы был еще брат Миша, весьма состоятельный человек. Хотя и мы, и тетя Лиза жили скромно, дядя Миша нам ничем не помогал, если не считать, что по праздникам он давал мне и Леве несколько золотых на игрушки или сладости.

В окрестностях Белостока, в местечке Супрасль (оно в дальнейшем сыграло определенную роль в моей партизанской судьбе), жили многочисленные дальние родственники мамы. Как правило, это были многодетные семьи, которые буквально нищенствовали. Мама иногда помогала им старой одеждой.

Супрасль был дачным местом: его окружали леса, там протекала живописная река Супраслянка, сохранился старинный замок, в котором жила графиня. Мы три или четыре раза снимали дачу в Супрасле (каждый год это было слишком дорого). Купаться и плавать в реке было верхом блаженства. Еще очень нравилось мне гулять с отцом по лесу. Часто он брал меня на такие прогулки рано утром, до завтрака. Учил ходить по лесу, ориентироваться в нем (потом мне это пригодилось), беседовал о жизни.

У отца также были в Белостоке родственники — его дяди Йосл и Цалель. Дядю Йосла я любил больше. Это был строгий, но добрый старик с умелыми, натруженными руками. Жил он в собственном доме на улице Белосточанской, сдавал одну или две квартиры, но денег не хватало, и он частенько прирабатывал ремонтом водопровода и канализации. Дочь его второй жены была замужем за завучем

моей первой гимназии Розенблатом. Они жили в доме дяди Йосла. Дочь Розенблатов, смуглая красавица Сара, была на класс старше меня. До войны, еще школьницей, она вступила в подпольный комсомол. В гетто она вошла в молодежный штаб Сопротивления и героически погибла во время восстания.

Дядя Цалель был не столь симпатичен. Он также жил в собственном домике по улице Юровецкой, но это была настоящая лачуга. Высокий, худой, лысоватый дядя Цалель постоянной работы не имел, а семья была большая. Говорили, что он картежник, играл на деньги даже в шахматы, не прочь был пропустить рюмочку. Жена была худенькая, высохшая, немощная, все время болела. У них было три сына и две дочери. Старший сын Арчик пошел в отца, на работе не удерживался. Где-то в начале тридцатых годов из Америки приехала перезрелая невеста, он женился на ней, и они укатили в Штаты. Дальнейший след его пропал. Средний брат Хаим, весьма рассеянный и раздражительный, был вечным студентом-химиком Виленского университета. В этом звании он пробыл около восьми или девяти лет, но так и не окончил его. Младший брат Борух был приятным в общении. Он работал монтером, играл в футбольной команде «Штрала», руководимого моим отцом. С Хаимом и Борухом судьба меня позднее свела в гетто.